***Киримов Таир Нуридинович*[1]**
E-mail: tairkerimoff@gmail.com

Опыт семиотического и лингвостилистического анализа поэм А. Чергеева «Услышь, о чем говорит покойник!», «Судьба»

УДК 82.95.512.19-1:8122

Аннотация. *В статье осуществляется семиотический и лингвостилистический анализ поэтических сочинений классика крымскотатарской литературы «Периода пробуждения» – Асана Чергеева. Внимание уделяется таким поэмам, как «Услышь, о чем говорит покойник!» («Эшит, мевта не севлеюр!») и «Судьба» («Такъдир»). Осмысливаются способы отображения поэтом реалистических, драматических эпизодов из жизни простого народа. Изучается феномен влияния идеи, темы и сюжета на конструкцию его стихотворений.*

Ключевые слова: *анжамбеман, возрождение, литература, эксперимент, Крым.*

What Has H. Chergeyev's «Dead Man» Told about (Semiotic Practice of Analyzing the Poem «Eshit, Mevta Ne Sevleyur!»)

Summary. *Hasan Chergeyev is known as classic of Crimean Tatar literature of the Renaissance. The article examines semiotic and lingua stylistic analysis of his poetic works. As the title implies much attention is given to such poems as "Hear what the dead man says!" ("Eshit, mevta ne sevleyur!") and "Fate" ("Takdir"). Author points out the ways to describe realistic and dramatic scenes of people's life. It is explored how the idea, theme and plot affect the structure of the sentence in his poems.*

Keywords: *enjambement, Renaissance, literature, practice, Crimea.*

Асан Чергеев считается одним из влиятельных поэтов-народников в Крыму «Периода пробуждения». Его цикл стихотворений отличается литературной креативностью и неординарностью, а способы привлечения внимания читателей определяются латеральностью мышления. Особый интерес представляют его поэмы на крымскотатарском наречии «Услышь, о чем говорит покойник!» и «Судьба» [1; 49]. В разное время творчество и жизнь А. Чергеева рассматривались в литературно-критических работах авторитетных исследователей. Например, это «Крымские книгоиздатели» (1919) А. Одабаша; «Доклад А. Лятифзаде по поводу крымскотатарской литературы новейшего периода» (1928); «Парламентство и национализм в крымскотатарской литературе» (1929) Б. Чобанзаде; «Студии из Крыма» (1930) А. Крымского; «Шамиль Тохтаргазы и Чергеев» (1935-1936) А. Алтанлы; «Наш знаменитый публицист и детский поэт» (1968) Э. Шемьи-заде; «Беседы» (1980) З. Джавтобели, «Крымские татары: прошлое, настоящее, будущее» М. Улькусала (1980) и др. [6; 23; 39; 50; 53; 56; 60; 41] Вносит весомый вклад в интерпретацию литературного процесса в довоенном Крыму И. Керимов. На протяжении многих лет профессор опубликовал серию монографий, в которых

[1] ***Киримов Таир Нуридинович***, к.ф.н., ведущий научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь, Крым).

разносторонне освещаются судьбы плеяды крымскотатарских писателей конца XIX и начала XX века. Асану Чергееву отведено особое место. Малоизвестные архивные факты из поэтического наследия поэта восстанавливаются ученым буквально по частицам [10; 11; 12; 14; 15; 16; 17; 18]. Поэтому, сегодня мы более или менее ознакомлены с историей издания в 1909 году книги «Услышь, о чем говорит покойник!» и ее прямом влиянии на трагическую судьбу поэта. Не так давно в архивах государственных библиотек Берлина и Крыма были обнаружены оригиналы этих поэм. Прежде чем перейти к их обсуждению стоит осветить важные вехи творческой жизни деятеля литературы.

Асан Чергеев родился в 1879 году в деревне Аджикеч (Харитоновка, Симферопольский р-н). В местной школе получил начальное образование. Успешно окончив Симферопольскую татарскую учительскую семинарию (1899) возвращается преподавать в родную начальную школу. 1909 год для Чергеева оказался годом переезда в Симферополь и издания поэмы «Эшит, мевта не севлеюр!». За ее содержание, открыто противоречащее политической идеологии царского правления в 1912 г. поэта арестовывают, но скоро в честь 300-летия династии Романовых – амнистируют. После военной службы в чине поручика он продолжает учительское дело в разных селениях Крыма (1914 – 1920). В период сталинского режима в 1930 году репрессивно-карательными органами НКВД был приговорен к 5 годам лагерей. В 1944 г. вместе с семьей выслан на Урал. В 1946 г. получив разрешение, едет к депортированным родным, но по дороге серьезно заболевает и скоропостижно умирает в больнице г. Андижана Узбекской АССР [19].

По информации «крымскотатарской энциклопедии» проф. Р. Музафарова литературное наследие поэта включает около 30 пьес и поэм, 15 поэтических сборников [24, с. 785 – 786]. Правда, в уникальном «библиографическом указателе печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке (1618 – 1944)» И. Керимова число изданий поэта значительно отличается в меньшую сторону [2]. Тем не менее, А. Лятифзаде отмечает что, в архиве Чергеева оставались еще неопубликованными многие стихотворения, пьесы и рассказы [56, с. 41].

Большей частью произведения писателя, посвящены вопросам просвещения, национальной самоидентификации, женского равноправия, межклассовых отношений, традиций, веры и нравственности. Вместе с тем, автор проявил себя знатоком детской психологии. Сегодня в наших руках его иллюстрированные сборники детских стихов, пьес и сказок 1928 года издания: «Айванлар не айта?» («О чём говорят животные?»), «Тильки ве къоян» («Лисица и заяц»), «Тильки ве койлю» («Лисица и крестьянин»), «Йыл дёнюми» («Новый год»: драма для детей) [2, с. 134].

Опыт написания пьес и внутренняя харизма помогают драматургу работать с аматорской театральной труппой (1917) [2, с. 134, 295]. В октябре 1923 г. Наркомпрос Крыма с целью возобновления работы крымскотатарского театра также организовывает собрание руководителей районных и городских творческих кружков. В повестке дня собрания основным вопросом являлось открытие татарского сектора при русской Драмстудии. Были озвучены имена претендентов в рабочий состав труппы. Это известные деятели искусства, как Умер Ипчи, Халит Куркчи, Эмине Челебиева, Айше Тайганская, Ава Кылычева, Асан Чергеев и др. [54] Позже, сектор получил статус Крымскотатарского государственного драматического театра. Из мемуарных статей директора крымскотатарского театра Э. Грабова известно, что в первое время артисты театра из-за плохого финансирования были вынуждены в летний сезон ездить на гастроли в дальние села и районы Крыма. Репертуар театра состоял из специально подобранных для отображения местного быта пьес крымскотатарских, татарских, турецких, азербайджанских, немецких, английских драматургов [20, с. 151 – 178; 22, с. 67 – 80].

Наряду с авторскими книгами Чергеев публикуется в коллективных сборниках: «Яш татар язгъычлары» («Молодые крымские писатели», 1913)[2], «Инкъилябий шиирлер» («Революционные стихи», 1925); в номерах газет и журналов: «Ветан хадими» («Слуга народа», 1908), «Голос татар» (1917), «Ешиль ада» («Зеленый остров», 1920), «Енъи дюнья» («Новый свет», 1924), «Янъы Чолпан» («Новая Венера», 1924). «Азат Къырым» («Освобожденный Крым», 1942) [33; 43; 44; 45; 46; 47; 48].

После смерти автора, под редакцией А. Алтанлы, Ш. Алядина, Ю. Болата и А. Дерменджи был выпущен сборник стихотворений «Саадет ичюн» («За счастье», 1976). Здесь, вместе с поэмами и пьесой Чергеева опубликованы стихотворения его соратников по перу Усеина Тохтаргазы, Джемиля Керменчикли, Якуба Шакир-Али. Неоднократно переиздавались с переводами на русский, украинский, узбекский языки его детские книги «Айванлар не айта?» («О чем говорят животные?»), «Къушлар не айталар?» («О чем говорят птицы?») [30, 67 – 70; 34; 35; 36; 37].

В поэме «Услышь, о чем говорит покойник!» («Эшит, мевта не севлеюр»!) читатели в образе ожившего покойника узнают крымского мусульманина, переживающего тяжелое положение во времена царского правления в Крыму. Сюжет произведения повествует о трансформации национальных морально-этических устоев в крымскотатарском социуме под влиянием иноземных переселенцев. Увиденное приводит «покойника» в крайнее смятение. В отчаянии он решает навсегда вернуться в свою могилу.

Опасаясь быть уличенным царской цензурой, автор намерено использует в произведении псевдоним «Бельгисиз» («Не известный») и русский алфавит вместо общепринятой на тот период арабской письменности. Ввиду того, что крымские татары полностью перешли на кириллическую графику лишь в 1938-ом, в поэтических текстах А. Чергеева встречается достаточно орфографических погрешностей. Естественно о новых, специально разработанных для русского алфавита правилах орфографии в крымскотатарском языке поэт не мог предполагать. Тем не менее, как отмечает академик А.Е. Крымский, благодаря тому, что поэма была написана русскими, а не арабскими буквами, она сохранила тонкие диалектные звуковые оттенки [23, с. 170]. Возможно, опыт использования кириллицы Чергеевым был перенят у известного лексикографа, выпускника Симферопольской татарской учительской школы О. Заатова. Он, в 1906 году с целью облегчения межкультурной коммуникации жителей и гостей Крыма выпустил «Полный русско-татарский словарь». Объем словаря составляет около 11 тыс. слов [31, с. 19 – 21]. В водном слове к читателю автор словаря поясняет свой выбор кириллической графики так: «В предлагаемом словаре в татарском тексте я употребил не арабские, а русские буквы, с той целью, чтобы ими могли пользоваться не только татары, но и русские, например, студенты Восточного факультета Петербургского университета, Лазаревского института и все, кто будет нуждаться в нем» [28].

Рассматривая лингвистические особенности «Эшит, мевта не севлеюр!» можно отметить, что в словаре поэта встречаются диалектные формы лексем типа ***ачели*** (*лит.:* аджеле – скоро), ***тачип*** (*лит.:* тааджип – изумление), ***течирбе*** (*лит.:* теджрибе – знание), ***чаны*** (*диал.:* джаны – новый), ***чаиллик*** (*лит.:* джаиллик – невежество), ***чами*** (*лит.:* джами – мечеть), ***чумле*** (*лит.:* джумле – вместе), ***чеза*** (*лит.:* джеза – расплата). В приведенных иллюстрациях можно отметить явление спирантизации (замены) звуков «дж» / «ч» в начале и середине слов. Данные слова могут оказать помощь в осмысления особенностей старой крымскотатарской латинской графики. Уместно вспомнить знаменитую поэму писателя Н.В. Гоголя «Мертвые

[2] Сборник выпущен в Турции. Здесь, также можно ознакомиться с ранним творчеством классиков крымскотатарской литературы, как Б. Чобанзаде, Н. Челебиджихан, М. Ниязий, А. Одабаш. – Т.К.

души». В 1931 году по заказу Комитета нового тюркского алфавита она была переведена У. Ипчи на крымскотатарский язык латинской графикой. Но, читатель, привыкший к современному турецкому алфавиту может оказаться в неудобной ситуации читая заголовок старой книги как «Θly *çanlar*» / «Олю *чанлар*» («Умершие колокола») вместо «Ölü *canlar*» / «Олю ***джанлар***» («Мертвые души»). Не менее привлекательным видится глагол «*севлемек*» («говорить») и его варианты спряжения в поэме Чергеева: «севле», «севлеме», «севлене», «севлеюр», «севлер», «севлеп», «севлийиз» [22, с. 71 – 73].

В фольклорно-диалектологических исследованиях А. Самойловича, Б. Фалева, Б. Эрджиласуна слово «севлемек» классифицируется как разновидность древних кыпчакских говоров [29]. Вместе с тем, в работах исследователей поэмы данное диалектное слово можно прочитать по-разному: «сёйлеюр», «сёйлюёр», «сёйлеёр». Разумеется, разночтение данного термина также ведет к размытию языкового колорита оригинала. В объявлении симферопольской газеты «Миллет» за 1917 год о выходе в свет поэмы «Судьба» анонсируется переиздание известной нам книги, правда с некоторыми изменениями в названии «Услышь, о чем говорит могила!» («Эшит, мезар не севлеюр!») [59]. Сюжет поэмы в общих чертах напоминает произведения «Воздушный корабль» М. Лермонтова и «Разговор с мумией» Э. По [25; 55]. Поэтическое повествование о воскресшем страннике начинается следующими строками:

Приведенные строки из поэмы простотой языка и размером сближаются с народным стихом. Бросаются в глаза элементы анжамбемана. Поэт, делая акцент на семантическую нагрузку поэтического пассажа делит предложения на части, то есть более детально рассматривает каждое событие. В итоге эта работа может расцениваться как большой интеллектуальный труд не только поэта, но и читателя. А. Чергеев, чтобы уменьшить сомнения читателя попавшего в ловушку заголовка «Услышь, о чем говорит покойник!» еще вначале стихотворения выводит на первый план чихание усопшего, то есть его оживление. Как мы знаем из жизненной практики чьему-то чиханию всегда придается значение. Внезапное и громкое, бесконтрольное и привлекающее внимание окружающих чихание может восприниматься по-разному: со страхом и вздрагиванием; с пожеланием здоровья и долголетия; как повод подтверждения правды, правоты. Наконец, сюжет зачина стихотворения может оказаться аллюзией предания о сотворении первого человека – Адама. Таким способом, дух по велению Всевышнего сквозь голову проник в бездыханное тело, сотворенное из куска глины. Обратно дух вышел через нос при этом заставив Адама чихнуть, образно говоря – вдохнуть жизнь [57]. В общей сложности, феномен чихания, являет собой литературный метод, с помощью которого поэт легко перемещает героев из одного состояния в другое.

«Юкълай идим, акъсуруп уяндым
Бен бир татлы юкъудан,
Ачтым козюм, инан, отюм
Патлаязды къоркъудан.
Ай устюмде, куньдюз киби
Иде ерин акъ-ярукъ
Эй, я Раббим, не ердемен?!.
Алдум-артум къаялукъ» [1, с. 1].

(«[Громким] чихом был нарушен мой сон,
Сладостным и беззаботным был он.
Открывши глаза, трудно поверить,
Страх мой ничем не измерить.
Луна точно дневное светило,
Сияньем все вокруг ослепило.
Где я, дай знать о, Всевышний!
Скалы окружили меня пленивши»).

Примечательно, что ожидаемый образ восставшего из могилы покойника по имени Омер мало соответствует традиции жанра мистики. Вместо приводящего в ужас сверхъестественного существа перед читателем предстает жалкий, перепуганный бедняга:

«Чукъурдыр эм дуран ерим,
Битмуш къыртуш устюмде.
Не олдугъун эч анъламам:
Козьлер корьмез кимерде.
Бакъдум, дюрбе устюмдеси
Тап язысы къырулгъан.
Анълашыла, бен ольгенмен,
Онъа вакъут чокъ олгъан.
Агълаюп эллеримнен,
Кенъ эйледим мезарым.
Дюшюнемен – эгер чыкъсам,
Бо янынан не ясарым?..» [1, с. 1].
(«Лежу [навзничь] в могиле разрытой,
Слоями пыли и праха стан мой укрытый.
Что происходит никак не пойму:
Глаза порой не видят совсем.
На плите у изголовья могилы,
Надписи [давно] истерлись и померкли.
Очевидно умер я, скончался,
С тех пор не мало времени прошло.
Я плачу, но руками [тревожно],
Прощупываю почву могилы вокруг.
Размышляю: вот, если выберусь,
Что буду дальше делать здесь я…»).

История, рассказанная «покойником», переносит нас в скалистую долину, ярко освещенную лунным сиянием. Здесь, можно услышать душераздирающие крики и стоны, доносящиеся из глубины забытого древнего кладбища. Впрочем, бытие между жизнью и смертью подвергается полемике и в экзистенциональных сюжетах произведений современников поэта – И. Гаспринского «Беседа султанов» («Мукялемейи селатин»), Дж. Сейдамета «Святые могилы» («Нурлу къабирлер»), Б. Чобанзаде «Лучшая смерть» («Яхшы олюм»), Н. Челебиджихана «Я поклялся!» («Ант эткенмен»), Дж. Керменчикли «Не умирай, возродись!» («Сен ольме, догъ!»), М. Нузета «Печаль моего разбитого сердца» («Къырыкъ къальбимнинъ къайгъысы»), А. Гирайбая «Ты» («Сен»), М. Куртия «Логово демонов» («Джинлер ятагъы») [5; 21; 27; 38; 42; 51; 52]. Писатели к смерти или прошлому относятся как: способ сближения с предками для обсуждения будущего нации; повод освобождения от бремени устаревшего образа жизни народа под влиянием революционных лозунгов; избавление двух влюбленных сердец от преград бренного мира.

Возвращаясь к поэме Асана Чергеева, мы убеждаемся в том, что миссия Омера сводится к предостережению земляков о приближающейся опасности этнической ассимиляции. Само явление и поучения, наставления умершего могут оказаться пророческими для простого народа, пребывающего в глубоком сне невежества.

«Дюнья багълы ахирете,
Чаиль олса бир адам
Ольгенде де чекер чеза
Эксильмез башы белядан.
Бирлик олмай китсенъиз шай,
Ишинъиз гъает чокъ фена.
Не дюньяде, не ахиретте
Булунмаз дерде эч дева!..» [1, с. 10].
(«Миру предписан Судный день,
Если невежей жизнь прожил человек,
В мире усопших ему не избежать [божьей] кары,
Беды и страдания будут одолевать его [вечно].
Если забудете о мире и сплоченности,
[Тогда] ваши дела будут очень плохи.
[Нигде] не найдете спасения
Ни в бренном мире, ни в загробном!..»).

Здесь представляются разнообразные метаморфозы смысловых оттенков парадигмы сна. Верно понимая стратегию мышления поэта, еще в заголовке можно увидеть философско-дидактическое начало произведения. В лирике поэта важное место уделяется мотивам смерти и разлуки, старости и безысходности, раненной птицы и клетки. Они отражают судьбу поэта.

Было сказано, что А. Чергеев подвер-

галася политическому преследованию со стороны царской и советской властей. Несмотря на ужасающие условия в тюрьмах и лагерях он продолжал писать. Вот стихотворение «Акъай» («Мужчина»), написанное поэтом в заключении.

«Къартайгъанда, мен гъарип янъгъыз къалдым,
Шу эджельсиз олюми бойнума салдым.
Ах, десем, «Ах» дер кимсем ёкъ, ольсем – джылар,
Ачыкъ къалгъан козюми кимлер джумар...
Къавушмагъан, дюньядан «Ах» деп кетер
Сыратларда одельген олюмден бетер...» [61].
(«Состарившись, остался совсем один,
Не дает покоя мысль о смерти.
[Только] некому оплакивать если помру,
Некому прикрыть мне застывшие веки…
С тоской покидать этот мир не постигши,
Более страшнее, чем ожидать Судный день»).

Перечитывая эти душераздирающие строки, процарапанные иглой на стенках алюминиевого лагерного котелка в 1930 годы нам, представляются исколотые в кровь пальцы поэта. Перед нами возникает картина прощания с жизнью глядя в глаза проклятой им смерти. Отчаявшийся поэт больше испытывает тревогу из-за того, что после кончины некому будет закрыть ему глаза. Одинокий в этом мире и главный герой поэмы «Услышь, о чем говорит покойник». Омер эфенди чувствует себя совершенно чужим на собственной родине. Скитаясь по земле предков в поиске близких, он встречает людей, враждебно настроенных против него:

«Элес олду козе бина,
Сандым − мурза сарайы.
Сюрюп кельсем, не бакъайым –
Ичинде къазакъ алайы.
Дюштюм душман къапкъануна,
Къалдум, сандым къабаатке.
Къувдылар бени, дедилер: «Пошёл,Татарске лапатке!» [1, с. 2].
(«Мне показалось, будто в дали дом,
Я подумал, что это дворец вельмож.
Еле добрел, но что я вижу –
Полон дом незнакомцев.
Подумал, вот попал в западню,
Что делать, ведь сам виноват.
Начали гнать меня словами:
Пошел, татарская лопатка!»).

В крымскотатарском тексте привлекает внимание вкрапление русской речи в виде фразы, типа «Пошел, татарская лопатка!». Исследуя историю происхождения этого выражения, можно выйти на известные произведения М. Горького «Жизнь Матвея Кожемякина», В. Шишкова «Угрюм река», П. Знаменского «Казанские татары». Проясняется, что «татарской лопаткой» по преимуществу называли насильственно крещеных или колонизированных татар, черкес и других народов России. Необходимо отметить, что А. Чергеев на протяжении всего творчества создает коллекцию типов трагических судеб. Например, это стихотворения, как «Козьяш-Хан чешмеси» («Фонтан слез»), «Омюр – чыракъ» («Жизнь – свеча»), «Омюрнен куреш» («Жизнь – это борьба»), «Такъдир» («Судьба») [45; 48; 49].

Эпилоги в поэмах «Такъдир» и «Эшит, мевта не севлеюр!» в некоторой степени имеют общие сходства: *«Ёл янына комюльди о. Акъ тюрбеси шинди тура, / Келен китюб, бакъуп онъа эте рахмет, къыла дуа. / Азат олуп учан къушчукъ, къонар башына тюрбе ташын. / Аллах рахмет эйлесин дер, йырлап анда тёкер яшын».* («Похоронена она на краю дороги. Там белая гробница сейчас, / Проходящие молитву читают. / Освобожденная [ею когда-то] птичка на мраморе могильном / Плачет, молит бога о прощении [грехов]. – «Судьба») или «Орьтюльди устю топракънен, / Кене битти чёп-олен. / Уфакъ къушчукъ янына келюп / Олду ону тек корен; / Аллах

рахмет эйлесин, деп / Дюрбесинде багъырды. / Кунь догъгъанджыкъ баш уджунда / Факъырын агълады!» («Могила вновь землей покрылась, / Заросла травой и кустами. / Маленькая птичка / Оказалась с ним рядом; / Всевышнего молила о прощении / До самого рассвета / Оплакивала бедолагу. – «Услышь, о чем говорит покойник!») [1, с. 12; 49, с. 34].

В следующей поэме, о которой пойдет речь, центральным героем является крымскотатарская девушка по имени Эсма. Это дочь зажиточного крестьянина, которая ценою жизни отважилась противостоять национальным устоям, уничижающих человеческое достоинство мусульманской женщины.

Как упоминалось, поэма «Такъдир» дополнительно подвергалась авторской переработке и переизданию в 1917 году. Печать издания осуществлялась в типографии газеты «Миллет» («Нация») – главном печатном органе первого крымскотатарского Парламента. О местонахождении книги ничего не известно, но с фрагментами произведения можно ознакомиться в докладе Абдуллы Лятифзаде, опубликованном в журнале «Окъув ишлери» («Дела просвещения») за 1928 год [56, с. 29 – 44].

Текст поэмы «Такъдир» («Судьба»), рассматриваемый в работах А. Алтанлы и З. Джавтобели, судя по всему взят из поэтического сборника молодых крымских писателей 1913 года издания.

«Бабанъ сени нишанлады, мурады зенгине вермек,
Шимди пара иш битирен, итмез чаре, къаргъыш-дилек.
Беним ишим дегиль къызым, сёйлийсинъ сен янълыш бутюн!..
Буны сёйлеп уй ичинде, таркъады къарт, олуп тютюн.
Шашты Эсма, къалтырады, къоркъты, юзю агъарды,
Дикюп къалды козюн кокке сонъра: «Хакъ!», деп агълады.
Истемем, версин Хакъ белясын, вармам эре, хич зати!
Эй, я Раббим, ал тез джаным, итме халете тек мути…» [49, с. 32].

(«Тебя за богатого решил отдать замуж отец,
Сейчас все решают деньги, не поможет мольба.
Дело вовсе не во мне, заблуждаешься ты…
Сказавши это, растворился в тумане старик.
Эсма в испуге побледнела, рассудок потеряла,
К небесам глаза устремив, взмолилась в плаче.
Пусть покарает Бог, никогда не пойду за него,
Скорее душу забери, чтобы не наделала беды»).

Поэт продолжает повествование о тяжелых душевных переживаниях дочери зажиточного крестьянина. Будучи насильно помолвленной со стариком, она стоит перед выбором: жить в несчастье без любви или умереть, покончив жизнь самоубийством. Эсма оказалась заложницей устаревших традиций и рискует совершить непростительный грех. В последних строках второго четверостишия есть такие слова: «зати», сокращенное от «затен» (вовсе, вообще, совсем) и «итме халете тек мути» (дословно: не оставляй только меня в безвыходном положении). У А. Алтанлы и З. Джавтобели те же строки заключаются словами: «затен» и «халкъкъа этме мутиг сен» (дословно: не надо привязывать меня к людям). В слове «мутиг» буква «г» по-видимому возникла из-за ошибочного прочтения арабской буквы «айн» как «гъайн». В связи с этим меняется смысл, и рифма данного четверостишия [6, с. 128; 30, с. 69].

Хорошо осознавая духовно-назидательную значимость стихотворения, поэт обнаруживает внутренний облик Эсмы в ее воззвании, мольбе к Всевышнему. Молодая девушка заклинает бога, чтобы он поскорее забрал ее душу, иначе сама лишит себя жизни. В тот тихий вечер мольбу и горький плач

за стеной в доме не слышали ни отец, ни родные. Лишь взволнованные птицы в саду ночными криками предвещали надвигающуюся бурю. Эта психологически напряженная обстановка мастерски описывается еще в самом зачине поэмы посредством образного параллелизма, то есть сращения природы и человека.

«Юксек сарай тёпесинден къара булутлар гидер тез-тез...
Сёнди атеш, гедже койде, юкъламая ятты хэр кес.
Вурмаз айнынъ шевкъы ере, вира булутлар олур сия,
Багъчада къушлар багърышырлар, фена авасыны дуя.
Бир агъайнынъ юрту бу ер, оны саргъан бутюн хисар.
Анда джанлар азаплана, олер, догъар байгъуш къуллар.
Ятты сарай юкъламая, тынды давуш, сес аягъы,
Байнынъ къызы, Эсма ялнъыз, онынъ чыкъа тек ярыгъы» [49, с. 31].
(«Над высоким чертогом скользят черные тучи,
Погасли огни, в деревне ночь, все уснули давно.
Больше не видно света луны, сгущаются тучи.
В саду птицы кричат, предчувствуя невзгоду.
Здесь живет один господин, вокруг высокие стены,
Тут мучатся души, несчастными рождаются и гибнут.
Уснул дворец, утихли голоса, не слышно более шагов,
Лишь дочь господина Эсма, в ее окне не гаснет свет»).

Далее при рассмотрении «Судьбы», следует обратить внимание на другие интересные смысловые акценты, помогающие увидеть наиболее удачные авторские попытки изобразить исторический образ мусульманской женщины своей эпохи. Матери, сестры и дочери испокон веков не имеющие право на слово, безвольно ропщут на судьбу. Они не смея требовать, лишь тихо со слезами на глазах молят о свете во мгле: «Этмез файда алтын-кумюш, бизге тияран ярыкъ керек!..» («Ни к чему золотые браслеты, нам хоть бы чуточку света!»). В небезупречной транслитерации текста поэмы с арабской графики на кириллицу, сделанной З. Джавтобели, А. Алтанлы мы замечаем несколько иной смысловой оттенок: «Этмез файда алтын-кумюш, бизге терен ярыкъ керек!..» («Ни к чему золотые браслеты, нам нужен яркий свет!»). Подобным способом, перед нами появляется тип властной, нежели задуманной автором образ неуверенной в себе, ущемленной в правах женщины [6, с. 128; 30, с. 68].

«Эсир киби къулланырлар, кимиси сёйлер: «Сус каде!»,
Кимиси тышта не япса да, корьсетир эвде сой заде.
Бу джаиллик белясыдыр, олмакъ керек биз зияде
Санки гъарип къыскъаякълы миллет яшы бу дюньяде.
Анъламазлар, нафле сёзлер... Чапаланма гъарип юрек,
Этмез файда алтын-кумюш, бизге тияран ярыкъ керек!..
Ачыл, хисар, огюмден тез!.. Ере батсун акъ ташлары!..
Бизге буны япан такъдир... Белясын версин козьяшлары!» [49, с. 32].
(«Обращаются как с рабами, твердят: «– Молчи сестрица!»,
Похотливы и грешны в народе, дома – заносчивы не в меру.
Невежество – наша беда, нам бы всем объединиться,
Неужели женщины рождены, чтобы страдать в этом мире.
Не услышат, напрасны слова… сердцу больно в груди,
Ни к чему золотые браслеты, нам хоть бы чуточку света!
Разберите высокую крепость предо мною скорее, люди,
Что делает с нами судьба… клянём слезы до рассвета»).

Нарастающий эмоциональный фон стихотворения поддерживается смежной рифмой. Данный тип рифмы придает тексту подвижность, приближает к живой разговорной речи. Особенно это чувствуется в стихах для детей: «О чём говорят животные?», «Лисица и заяц», «Лисица и крестьянин». Если объединить поделенные на части строки поэмы «Услышь, о чем говорит покойник!», то получим похожую схему парной рифмы: aabb. Бытовая обстановка, непринужденность диалога мастером слова достигается также при помощи инверсий. Любопытно наблюдать за эволюцией взглядов Асана Чергеева. Если сравнивать варианты поэмы, опубликованные при жизни автора, то можно проследить как он подбирает интересные, эффективные формы освещения духовной стороны персонажа.

В дополненном издании поэмы «Такъдир» за 1917 год Эсма выражает чувства и мысли более конкретно.

«Кими сифилис – чюрме хаста:
Кетирирлер бизе эльден.
Мезар корьмей даркъар вира
Куньден куньге сагълам беден».

****

«Ачыл дивар огюмден тез,
Батсын акъ ташлары!
Зюлум верген такъдиринынъ
Вирсин беля(сын) козь яшлары!»
[56, с. 42]

(«Сифилисом – болезнью гнилости
Заражают, но к нам нет милости.
Еще до смерти изо дня в день,
Живые тела превращаются в тень».

****

«Раскройтесь стены, скорее бы
Сгинули во тьме белые глыбы!
Слезы проклинают пролитые
Судьбу породившую насилие!»)

Дополняя психологический портрет Эсмы, поэт освещает темные стороны жизни Крыма. Он анализирует причины культурного кризиса и пути выхода из него. Данный период также примечателен активизировавшимся в 1917 году феминистским движением крымских мусульманок, которые боролись за реализацию религиозных, политических, социальных прав женщин. В рамках организованных женских комитетов функционировали различные творческие кружки, курсы рукоделия и шитья, читальни. Делегаты женских комитетов принимали участие в съездах, посвященных общественно-политическим и экономическим вопросам в Крыму и за его пределами. Известны имена ярких представителей движения, это Ш. Гаспринская, И. Тохтарова, Д. Булгакова, А. Боданинская, А. Исхакова, А. Куртиева, Х. Авджы и др. Среди них были и те, кто принимал участие в I Крымскотатарском Парламенте [22].

В следующем отрывке поэт предостерегает женщин от влияния чуждой моды, которая может оказаться пагубной для нации в плане утраты родного языка.

«Чыкъсан эгер сен ярыкъкъа
Ондан да омюр чокъ бетер,
Аврупанынъ тыш модасы
Къызчыгъым, башына етер:
Пек чокъсу ана дилин
Ёкъ итмеге чалыша
Джахиллигинен чыкъмыш ёлдан
Бир биринен талаша» [56, с. 42].

(«Если вдруг выйдешь в свет
Тебя ожидает более худшая жизнь,
Внешняя мода Европы
Может погубить, доченька:
Больше всего стараются
Родной язык уничтожить.
Невежество сбило их с пути,
Живут в войне с друг другом»).

Переплетение лирики и публицистики в поэзии Асана Чергеева призвано оказывать глубокое впечатление на читателя. Реципиент, становится свидетелем жизненной драмы. По сути, трагическая судьба бедной девушки в произведении, раскрывает проблемы всего общества. Гендерное неравноправие, бытовая тирания, культурная апроприация, необразованность оказались угрозой жизни нации. Поэт, совсем не случайно упоминает об уничтожении родного языка. Поскольку язык крымского наро-

да оказался незащищенным в условиях глобализации общества и этнического неравноправия. Перекликающиеся между собой мотивы смерти, видения, тумана, сна в поэмах «Судьба» и «Услышь, о чем говорит покойник!», сообщают о непрерывных поисках поэтом смысла жизни в бренном и замогильном мире. Сильное желание овладеть сакральными знаниями сопровождается и в творчестве единомышленников поэта. Например, смысловым стержнем стихотворения Н. Челебиджихана «Я поклялся» являются строки: «Я поклялся, дал слово погибнуть чтобы познать, / Боль и страдания народа моего» («Ант эткенмен, сёз бергенмен бильмек ичюн ольмеге, / Билюп корюп миллетимнинъ козь яшыны сильмеге») [22, с. 167]. Литературное творчество Чергеева можно оценить, как большой интеллектуальный труд. Подбор и различные способы репрезентации жизненного материала превращают произведения поэта в живые полотна. В них отображается глубина эмоциональных переживаний персонажей, раскрывается глубина национального языка, ощущается энергия и сила пера.

Малоисследованной остается публицистическая деятельность А. Чергеева. Перед исследователями предстоит работа по выявлению и изучению утерянных рукописных материалов, а также литературно-публицистических произведений, опубликованных в довоенной крымскотатарской печати. Важно учитывать то, что писатель использовал псевдонимы. В этом случае необходимо будет прибегнуть к рассмотрению текстологических, стилистических особенностей текстов.

Автор статьи выражает признательность и благодарность коллегам д. филол. н., проф. И. Керимову; д. филол. н., проф. В. Гуменюку; к. филол. н. Н. Абдульвапову; к. филол. н. Т. Куршутову, А. Мурадасилову за ценные советы и консультации, а также за любезно предоставленные копии поэм А. Чергеева «Эшит, мевта не севлеюр», «Такъдир».

Литература:

1. Бельгисиз. Эшит, мевта не севлеюр! Поэма / Бельгисиз. – Джанкой: Тип. М.А. Абкина, 1909. – 12 с.

2. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618 – 1944 гг. / сост. И. Керимов. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. – 324 с.

3. Богданов К. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности / Б. Богданов. – СПб., 2001. – 438 с.

4. Бутов Р. Enjambement как феномен ритмики и графики поэтического текста (к вопросу уточнения классификации) / Р. Бутов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 3. – С. 46 – 49.

5. Гирайбай А. Шиирлер / А. Гирайбай; аз. У. Эдемова. – Симферополь, 1997. – 143 с. – С. 68;

6. Джавтобели З. Субетлер / З. Джавтобели // Йылдыз. – 1980. – № 2. – С. 126 – 132.

7. Дили Дж. Литературная семиотика и доктрина знаков / Дж. Дили; пер. с англ. С. Проскурин // Критика и семиотика – 2014. – № 1. – С. 18 – 29.

8. Долгих Ю. «Ходячие» мертвецы в русском страшном повествовании 1810 – 1840-х гг. / Ю. Долгих // Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве. – СПб., 2015. – 384 с. – С. 84 - 99.

9. Жирмунский В. Вопросы теории литературы / В. Жирмунский. – Ленинград, 1928. – 357 с.

10. Керимов И. Эшит, мевта не сёйлюёр (А. Чергеевнинъ поэмасына даир базы къайдлар ве шу эсерден парчалар) / И. Керимов // Йылдыз. – 1996. – № 6. – С. 158 – 167.

11. Керимов И. 1938 сенеси, апрель 17. Репрессиягъа огъратылгъан зиялыларымыз (У. Ипчи, И. Леманов, А. Озенбашлы, Ш. Бекторе, А. Ильмий, Дж. Керменчикли, А. Къадризаде, А. Чергеев ве Я. Кемал акъкъында) / И. Керимов // Янъы дюнья. – 1998. – № 32. – Апрель 25.

12. Керимов И. Асан Чергеев / И. Керимов // Голос Крыма. – 1996. – Окт. 25.

13. Керимов И. Библиографик косьтергич: къырымтатар тили, эдебияты, фольклоры, тасили, тарихи, медениети ве техник илимлери / И. Керимов. – Акъмесджит, 2009. – 324 с. – С. 134.

14. Керимов И. Гъарбий Авропанынъ архив ве кутюпханелеринде къырымтатар мевзуаты. – Монография / И. Керимов. – Белгород: Константа, 2017. – 176 с.

15. Керимов И. Къырымтатар эдебиятынынъ инкишаф ёллары (1850 – 1917). – Монография / И. Керимов. – Белгород: Константа, 2018. – 312 с.

16. Керимов И. Мужде. "Ветан хадими" газетасынынъ булунмасы (А. Чергеев ве А.С. Айвазов акъкъында янъы малюматлар) / И. Керимов // Янъы дюнья. – 1991. – № 39. – Сент. 25.

17. Керимов И. Теренлик: Умер Ипчининъ эдебий омюри. – Монография / И. Керимов. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санат нешрияты, 1988. – 144 с.

18. Керимов И. XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башында къырымтатар бедий сёзюнинъ эврими. – Монография / И. Керимов. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 1998. – 184 с.

19. Керимов И. Эки асыр арасында XIX – XX – На стыке веков / И. Керимов. – Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 1997. – 21 портрет.

20. Керимова С. Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии. – Монография / С. Керимова. – Симферополь: Доля, 2002. – 192 с. – С. 151 – 178.

21. Керменчикли Дж. Ма-бих-иль-ифтихарым – Къырымлыкътыр меним гъурурым / аз. Т. Киримов. – Акъмесджит, 2005. – 135 с. – С. 78.

22. Киримов Т. Традиции крымскотатарской литературы и печати (период I Крымскотатарского Курултая). – Монография / Т. Киримов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. – 180 с. – С. 67 – 80.

23. Кримський А. Література кримських татар / А. Кримський; упоряд. О.І. Губар. – Сімферополь: Доля, 2003. – 200 с. – С. 170.

24. Крымскотатарская энциклопедия / сост. Р. Музафаров. – В двух томах. – Т. II. – Акъмесджит: Ватан, 1991. – 835 с. – С. 785 – 786.

25. Лермонтов М. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. – М.: Худож. лит., 1984. – 493 с. – С. 105 – 106

26. Налитова Е. Темы воскрешения мертвых в творчестве Г.Ф. Лавкрафта: специфика интерпретации / Е. Налитова // Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве. – СПб., 2015. – 384 с. – С. 169 – 177.

27. Нузет М. Къырымнынъ чёль аятындан: сайлама эсерлер / М. Нузет; аз. Н. Сейтьягъя. – Акъмеджит, 2003. – 240 с. – С. 98;

28. Полный русско-татарский словарь / сост. О. Заатов. – Симферополь: Типография Бр. Нутис, 1906. – 118 с.

29. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранных Боданинским, Мартино и Мурасовым / ред. А. Самойлович, П. Фалев. – ИТУАК. – 1915. – № 52. – С. 1 – 68.

30. Саадет ичюн. Эдебий эсерлер джыйынтыгъы / аз. А. Алтанълы, Ш. Алядин, Ю. Болат, А. Дерменджи. – Ташкент, 1976. – 140 с. – С. 67 – 70.

31. Сейдаметова Н. Полный русско-татарский словарь Османа Заатова как лексикографический источник для словообразовательного и лексического анализа Н. Сейдаметова // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. – Том 1. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2011. – С. 19 – 21.

32. Фрейд З. О добывании огня / З. Фрейд; пер. с нем. Р. Додельцева, М. Попова. – СПб., 2009. – 224 с. – С. 60 – 180.

33. Х.Ч. Крымскотатарский курултай и татарский Парламент / Х.Ч. // Голос Татар. – 1917. – №16. – Дек. 20.

34. Чергеев А. Айванлар не айталар. Жониворлар нима дер. Звери, птицы, насекомые. Шиирлер / А. Чергеев; пер. Е. Обидов, А. Каныкин, Р. Фархади. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешр., 1986. – 40 с.

35. Чергеев А. Айванлар не айталар. Про що розмовляють тварини. О чем говорят звери. Шиирлер / А. Чергеев; рессам З. Трасинова. – Акъмесджит: Оджакъ , 2002. – 18 с.

36. Чергеев А. Айванлар не айталар. Про що розмовляють тварини. О чем гово-

рят звери. Поэзия / А. Чергеев; тердж. А. Канкин; рессам З. Акимова. – Симферополь: Къырымдевлетокъувпед. нешр., 2005. – 20 с.

37. Чергеев А. Къушлар не айталар. Про що розмовляють птахи. О чем говорят птицы. Поэзия / А. Чергеев; рессам З. Трасинова; тердж. О. Тимохина. – Акъмесджит: Оджакъ, 2002. – 18 с.

38. Чобанзаде Б. Бир сарай къураджакъман. Шиирлер / Б. Чобанзаде; аз. Н. Сейтьягъя. – Симферополь, 2001. – 192 с.

39. Шемьизаде Э. Мешур публицист ве бала шаиримиз Асан Чергеев / Э. Шемизаде //Ленин байрагъы. – 1968. – Янв. 20.

40. Ahmet B. Başlangıcından Yirminci Yüzyıla. Türk Dili Tarihi / B. Ahmet. – Ankara, 2004. – 476 s. – S. 394.

41. Altañlı A. Şamil Tohrarğazı ve Çergeyev / A. Altañlı // Edebiyat ve Kultura. – 1936. – № 1. – S. 37 – 40; № 2. – S. 29 – 32.

42. Çelebicihan N. Ant etkenmen. Şiir / N. Çelebicihan // Qırım mecmuası. – 1918. – № 8. – S. 147.

43. Çergeyev H. Ey, Qırımnıñ yaş yigiti! Şiir / H. Çergeyev // Azat Qırım. – 1942. – № 31. – Mayıs 8.

44. Çergeyev H. Ey, Sen Qırım (Ural türküsi). Şiir / H. Çergeyev // Azat Qırım. – 1942. – № 19. – Mart 27.

45. Çergeyev H. Közyaş-Han çeşmesi. Şiir H. Çergeyev // Vetan hadimi. – 1908. – № 21. – İyün 7.

46. Çergeyev H. Yıl dönümi. Bala draması H. Çergeyev // Yañı Çolpan. – 1924. – № 4 – 5. – S. 14. – 16.

47. Çergiy H. Ocalarğa. Şiir / H. Çergeyev Yeñi dünya. – 1924. – № 112 (459). – Avg. 9.

48. Çergiyev H. Ömürnen küreş. Tiyatro – mektep. Şiirler. / H. Çergiyev // İnqilâbiy Şiirler Mecmuası: Yaş Qırım Şairleriniñ Eserleri. – Aqmescit: Qırım hükümet neşriyatı, 1925. – 102. s. – S. 68 – 71, 90 – 91.

49. Çergiyev H. Taqdir. Şiir / Yaş Tatar Yazıları / H. Çergiyev; haz. Yaş tatar yazğıçları cıyını. – İstanbul: Bab-ı Ali qarşusında tavsi-i tabaat matbaası, 1913. – 50 s. – S. 31 – 34.

50. Çobanzade B. Qırım Tatar Edebiyatında Qurultaycılık ve Milletçilik / B. Çobanzade. – Bakı: Azerbaycan İlmi Tedkik İnstitutı Neşriyatı, 1929. – 33 s. – S. 18 – 22;

51. Gaspralı İ. Mukâlemeyi selâtin / İ. Gaspralı // Terciman. – 1906. – № 144, 145; 1907. – № 3, 7.

52. Kırımer C. Nurlu Kabirler / C. Kırımer. – İstanbul, 1991. – 111 s.

53. Millet cevherleri: N. Çelebicihan, C. Seydahmet, H. Ayvazov, H. Odabaş, O. Murasov, C. Kermençikli, A. Qadrizade: 1917 – 1920 ss. «Millet» gazetasında basılğan edebiy-publitsistik eserler. Hrestomatiya / haz.: T. Kirimov. – Simferopol: QCİ «Qırımdevoquvpedneşir» neşriyatı», 2012. — 716 s. – 453 – 458.

54. Odabaş H. Qırımtatarlarında teatro hayatı / H. Odabaş // Yeni dünya. – 1923. – №95 (315). – Oktâbr 14.

55. Poe E. Bir mumya ile küçük bir hasbihal / E. Poe. – İstanbul, 2002. – 173 s.

56. Qırımtatar edebiyatınıñ soñki devri haqqında A. Latifzade arqadaşın maruzası // Oquv işleri. – 1928. – № 4 – 5 (24 – 25). – S. 29 – 44.

57. Qoñurat K. Qıssa-i Adem safiullah / K. Qoñurat // Günsel. – 1999. – No. 1. – S. 35 – 37.

58. Qurtiyev M. Cinler yatağı. Hikâye / M. Qurtiyev // Közaydın. − 1928. – № 27. – S. 4.

59. Taqdir. İlân // Millet. – 1917. – İyül 23.

60. Ülküsal M. Kırım Türk Tatarları: Dünü, bugünü, yarını / M. Ülküsal. – İstanbul: Baha Matbaası, 1980. – 366 s. – S. 266.

61. Kerimov İ. Asan Çergeyev (1879 – 1946): hayatı ve faaliyeti ile bağlı eski ve yañı malümatlar İ. Kerimov. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: *https://ilmiyqirim.blogspot.com/2012/09/asa-n-cergeyev-1879-1946-ayat-ve.html*